



**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**24
(989)**

ISSN 0132-2141.

Андрей Никольский

**ЧАСТНОЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ**





В предисловии к своей седьмой книжке фельетонов и рассказов, вышедшей в 1982 году, Андрей Никольский писал:

«Когда приходят, принято здороваться, а уходя — прощаться. И это обычная вежливость. Сорок лет назад я сказал «здравствуйте». И читатели отнеслись к моим фельетонам в письмах и лично чрезвычайно дружелюбно, хотя там говорилось исключительно об их же недостатках.

И у автора подступил комок к горлу, и слезы волнения мешают ему водить пером по бумаге. И он надеется, эта книжка — последнее «прости» негативным сторонам жизни».

Случилось так, что книжка действительно оказалась последней. Талантливый фельетонист, прекрасный человек, участник Великой Отечественной войны коммунист Андрей Владимирович Никольский ушел от нас, сраженный тяжелой болезнью.

Фельетоны, которые составили этот сборник были написаны им в последние годы жизни и печатались в «Крокодиле» под рубрикой «Из зала — сюда!». Эта популярная у читателей рубрика обязана своим рождением автору сборника.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 24

Андрей Никольский

**ЧАСТНОЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ**

Рисунки И. СЫЧЕВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
1985

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ



Я боюсь, как бы читатель, увидя такое заглавие, не закинул весь фельетон куда-нибудь подальше. Потому что действительно тоскливое заглавие. Веет от него чем-то таким казенным. Одним словом, не ахти какое заглавие. Но если его сравнить с тем, что будет дальше, то прямо скажем — оно еще ничего. Довольно терпимое заглавие. Может, одно из самых веселых мест в фельетоне. Так что вооружайтесь терпением.

А я тем временем хочу высказать пару критических слов по адресу нашего суда. Я, например, раньше считал, что суд на то и суд, чтобы отличить правого от виноватого. И воздать каждому по заслугам. Но когда, уважаемые граждане, суд начинает шерстить и того и другого, аж ключья летят, то я этого как-то не понимаю.

Я говорю судье:

— Ну, ладно, вор такой-сякой, он вещи украл. Поделом вору и мука. А потерпевшего за что компрометировать?

А председатель районного суда Коробов Иван Васильевич, очень серьезный такой мужчина, отвечает:

— Для воспитания.

— Конечно, воспитание — оно нужно. Но только все равно жалко. Особенно вот таких товарищей, как Николай Яковлевич Притоков. Человек он с высшим образованием, ходит в замечательной шапке из ондатры. Между прочим, из-за этой шапки все и получилось.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила. 1985 г.

А зашел один раз Николай Яковлевич на Казанский вокзал. В Москве нашей. В белокаменной.

Нет, ехать он никуда не собирался. А зашел совсем по другим надобностям. Зашел позвонить по телефону и выпить кружку пива. Кроме того, под газом он был. А под газом, известное дело, не то что на Казанский вокзал попадешь — в самую Казань закатиться можно. Ничего удивительного.

И вот, значит, сидит он в ресторане на Казанском, прохлаждается пивом, а потом видит: денег-то у него нету! Ну то есть даже за пиво расплатиться нечем. Можно, конечно, ондатровую шапку оставить под залог, так она в гардеробе осталась. Ну, то есть невероятно сложная создалась ситуация. Просто редко такие бывают в жизни.

Однако свет не без добрых людей. На счастье, официантка хорошая попалась. Уговорил ее Николай Яковлевич подождать, пока он приятелю позвонит, чтобы тот привез ему денег.

Уговорил, а сам пошел в автомат.

Из автомата он пошел в туалет. Потому что так надо было.

А тут, представьте себе, такое роковое стечение обстоятельств. Откуда-то с юга страны, кажется, из Анапы, прибывает малоизвестный товарищ Василий. Он мало известен нам, а что касается Николая Яковлевича, то ему вообще не известен. И примечателен этот товарищ Василий тем, что имеет при себе чемодан. А в чемодане в кислородной подушке имеется чача. Это такая штука, вроде нашей самогонки. Градусов под семьдесят.

И уже тут, в Москве, этот товарищ Василий знакомится с другим героем нашего фельетона — комсомольцем Иваном Рудиным и вместе с ним прибывает на Казанский вокзал. Видите, какое совпадение? Ну, чем тут виноват Притоков?

По дороге они несколько раз прикладываются к этой чаче. Прямо к этой кислородной подушке. Там у нее есть такая кишочка с краником, и если к ней приложиться, то милиция не реагирует. В крайнем случае она думает, что дышит человек кислородом. Малость обалдел от московской атмосферы. Только и всего.

Так вот. Прибывают эти новые друзья на Казанский вокзал, и комсомолец Иван Рудин тоже идет в туалет. Ему тоже так надо было.

А там как раз Николай Яковлевич Притоков. Ондатровой шапки шеголяет, в зеркало смотрится. А комсомолец Иван Рудин без ондатровой шапки. И не то что без ондатровой — вообще без шапки. На этой почве они и разговорились. Данный исторический разговор не сохранился для потомков, но скорее всего он происходил так:

— Шапка у тебя что надо,— сказал Иван Рудин.

— Это верно,— подтвердил Притоков.— А выпить найдется?

— Что за вопрос? Пойдем в зал. Там у нас чача.

Действительно: вот детский зал, вот Василий, а вот — чача в кислородной подушке.

Выпили, поговорили о футболе.

Потом, дай бог память, зашли в вестибюль ресторана, там что-то делали, вроде бы причесывались. А почему «дай бог память», потому что остальное помнилось уже как бы сквозь туман. Помнилось, что причесывались для того, чтобы эту шапку мерить. Сначала Иван померил, шапка ему велика, потом Василий. А может, наоборот. Потому что этого уже Николай Яковлевич достоверно не помнил. И куда эта шапка в процессе примерки испарилась, тоже не помнил. Так и на следствии доложил.

Однако комсомолец Иван Рудин сохранил ясность ума и твердость мысли. Хоть он-то пролил свет на это темное дело. Он сказал так:

— Шапку украл я, потому что Николай чачу пил, а нас угощать не стал. Вот за это.

Ну это, конечно, чересчур. Если за каждое угощение шапку отдавать, то через два дня голый останешься. И мы вместе с судом считаем, что нельзя было к пьяному другу применять такую сильную санкцию: красть у него шапку. Что это за методы воспитания? И правильно, что Иван получил по заслугам. А вот за что Николаю Яковлевичу бумагу на работу отправили — неизвестно.

Главное — нехорошая бумага получилась, век бы такой не видать. Называется «Частное определение». Дескать, просим обратить внимание профкома СУ... Мосстроя... пьет неизвестно где... неизвестно с кем... и все в таком духе.

И если вы думаете, в суде одна такая бумага — ошибаетесь. Прямо какое-то поветрие идет. Выпивают незнакомые люди друг с другом, а «друзья» потом их обворовывают. А суду — разбираться. Заполонили суды такими делами.

В том же районном суде есть такой милостивый консультант — Наташа.

Я говорю:

— Наташа, много у вас таких дел?

Она говорит:

— Навалом. Вот не посмотрите ли дело № 1—646? Никто Алпатов Андрей Ильич очень содержательно провел один из дней в этом бюджетном году.

Смотрю: действительно, настолько содержательно, что к вечеру уже попал в тюрьму. А дело было так. Приезжает раненько утром Андрей Ильич на Павелецкий вокзал. Нужно было ему ехать в Дебальцево. Сдает в камеру хранения вещи, покупает билет (заметьте, на 22 часа) и думает: что бы такое предпринять? Чем бы заняться в свободное время? А тут, как на счастье, два товарища подвертываются: некто Саша и Толик. Едут из Иркутска в Воронеж. Познакомились и поехали на завод. На какой завод неизвестно, да и неважно, но только выпили они там бутылку на троих. Подзарядились. А потом все растерялись.

«Ладно,— думает Андрей Ильич,— потеря невелика». Поехал он на площадь Свердлова. А там как раз экскурсия сколачивается по достопримечательным местам Москвы. Влился он в эту экскурсию, поехал. Оглядел достопримечательности, и опять делать нечего. Вышел из автобуса парень какой-то.

— Где тут метро? — спрашивает.

А Алпатов, как на счастье, тоже метро искал: где тут метро? Он и говорит:

— Возьмем бутылку на двоих?

А парень этот, некто Гена, говорит:

— Не надо, у меня есть бутылка.

Ну, просто удивительное совпадение.

Раскачали, значит, они эту бутылку, но разве одной обойдешься? Взяли вторую и поехали в «Детский мир». Потому что там Гена хотел купить какие-то вещички для своего маленького отпрыска.

Раскачали они и вторую и поехали на Ленинградский вокзал. Потому что Гену надо было проводить на поезд.

Там, естественно, взяли третью и, естественно, опоздали на поезд.

Ну, а дальше все как по нотам, уважаемые читатели.

Алпатов говорит, что им захотелось колбасы. Ну, а когда душа требует колбасы, и не какой-нибудь, а вареной, может что-нибудь этому желанию воспрепятствовать? Да никогда в жизни! И Гена пошел в магазин. Однако сгинул.

Гена же говорит, что он пошел не за колбасой, а всего-навсего компостировать билет на новый поезд. Но все равно сгинул. И одновременно сгинул Алпатов. Вместе с его вещами.

Пришлось Гене вместе с милиционером ехать на Павелецкий вокзал ловить Алпатова. Где тот и был обнаружен и задержан.

Ну, воздали ему что полагается. А Гена-то за что пострадал? Тоже, понимаете ли, появилось на свет частное определение. «Обращаем внимание такого-то вагоностроительного завода на неправильное поведение... фрезеровщик механосборочного цеха... неизвестно где... неизвестно с кем...»

Вот ведь гадость-то это частное определение! И неизвестно, когда его ждать.

Впрочем, есть у меня и другой пример, который я не могу утаить ради пушей объективности. Есть у меня такой закадычный друг, некто Вася Клявин. Очень откровенный человек, тоже, понимаете, может распахнуть душу перед незнакомыми людьми. По пьяной лавочке, конечно. Один раз распахнул душу — пальто исчезло, появилось частное определение. В другой раз распахнул — часов нет — опять же частное определение, будь ему неладно. На работе профсоюзу совестно в глаза глядеть.

И потому, понимаете, перестал он распахивать душу, застегнулся, кошкин сын, на все пуговицы. Правда, пальто у него по-прежнему нет,

но, слава богу, пиджак остался, так он и его застегнул. В результате каждый день экономия минимум пол-литра с прицепом. Пятерка, как ни крути, в кармане. На книжку стал откладывать. И теперь он говорит так:

— Если бы,— говорит,— я знал, что так выгодно не пить, то еще бы раньше бросил.

И с тех пор завязал. Амба.

ИСТОРИЯ С САПОГАМИ



Если вы, гражданин читатель, никогда не бывали и суде, то особенно не расстраивайтесь. Не такое это место, чтобы там дышалось легко и вольготно. Наоборот. Выходишь из зала суда всегда в каком-то угнетенном настроении. И не потому, что там приговоры, статьи уголовного кодекса и прочие грустные вещи. А причина здесь в другом. Мебель, знаете ли, в судах уж очень мрачная. Вот она-то и навевает тоску. Какие-то, понимаете, железнодорожные диваны, кресла с громадными спинками, загородка для подсудимых. И все это втиснуто в маленькую комнату так, что дышать нельзя. Если бы, скажем, эту мебель расставить в спортивном зале куда ни шло. Там бы эти диваны выглядели более пропорционально. А в тесноте, я говорю, они на психику дают.

Так что в этом плане я больше люблю выездные сессии. Тут как-то все человечнее получается и проще. И не то что человечнее, а, хотите верить, хотите — нет, на первый взгляд даже как-то веселее.

Вот недавно приехал я на один завод. Заводине громадный, одних цехов, наверное, штук двадцать. Или около того.

В одном из цехов на двери разноцветное объявление: дескать, нынче в 16 часов суд по делу весовщика-вулканизатора Царева.

А возле объявления народ. Мужчины, женщины — все в спецодежде. Мужчины в основном ничего не знают и спрашивают. А женщины в основном все знают и рассказывают.

Выясняется: Царев Владимир Иванович, русский, 6 классов образования, работает на заводе давно, однажды пришел в цех вулканизации и украл там пару женских сапог стоимостью в 7 рублей 80 копеек. Все ясно.

Одно только неясно: почему все эти устные комментарии звучат в таком мажорном тоне? Я, грешный человек, даже подумал, что такое бодрое настроение создает именно выездная сессия. Но потом оказалось, что мои предположения лишены всякого основания.

— У нас на заводе сегодня юбилей! — пояснили мне. — Чего же нам унывать?

— Какой же юбилей, — спрашиваю. — Может, выпуск сапог перешагнул за какую-нибудь семизначную цифру?

— Нет, — отвечают. — Просто в этом году уже двухсотый вор в проходной задержан. С краденными сапогами.

Порадовался и я этому сообщению. Из чувства солидарности, конечно. Хотя в то же время и удивился. Чудные, думаю, здесь порядки. На выставке, например, юбилейному посетителю преподносят памятный подарок. А тут в порядке такового юбиляр может получить срок. По сто девяносто шестой статье, части первой. Разве это справедливо?

А потом поразила меня сама цифра: двести. Поразила своей внушительностью и размахом. И, кроме того, породила она несколько мелких вопросов, которыми я просто обязан поделиться.

Во-первых, было интересно узнать, где же именно воруют сапоги?

Во-вторых, как это делается? (Понимаете, специфика дела).

В-третьих, кто ворует?

И, четвертое, почему воруют?

Вопросы, что и говорить, интересные. Только ведь и ответ на них получить не так-то легко. Но, к счастью, скоро начала заседать сессия и мало-помалу все эти вопросы прояснились в порядке живой очереди.

Заседает сессия, конечно, в красном уголке. Лучше места не придумаешь: и просторно и никому не мешаешь. Но только все равно народу набивается — яблоку негде упасть. И в проходе стоят, и по бокам, и даже в коридоре за дверью.

За столом судья Барков Иван Петрович вместе с народными заседателями дело перелистывает.

Напротив — сам Царев с конвойными по бокам. Сидит на стульчике, грустный такой, под машинку стриженный. И вид у него бледноватый. То ли от переживаний, а может, просто на воздухе мало бывает. Как-никак в тюрьме уже порядком сидит. Участи своей дожидается.

А неподалеку от Царева дама такая солидная. В синем пальто. Глаза у нее заплаканные и смотрит на Царева с невероятным гневом. Жена его. Разве кто другой так глядеть будет? А когда удастся ей поймать взгляд мужа, то начинает укоризненно качать головой. «Эх ты, дескать, достукался!»

Только эта мимика, видно, Цареву ужасно надоела. Он терпел, терпел, а потом даже вскинулся весь и рукой так красноречиво себя по горлу провел. «Дескать, что же мне, вешаться теперь? Сколько ж ты меня допекать будешь?»

Конвой строгим взглядом повел на эту жестикуляцию. Ничего не сказал. А тут и суд начался. Где родился, где женился и так далее. И, наконец, первый вопрос: где же взяты эти злополучные сапоги?

А взяты известно где, в цехе вулканизации. Там все берут, кому надо. Здесь сапоги как раз проходят последнюю стадию обработки, и вот они, пожалуйста, торчат на колодочках, направляются на сортировку. Дверей в цехе несколько, и все открыты. Зайти сюда проблемы не составляет. Точно так же, как и взять сапоги, если уж они, как говорится, нужны дозарезу. А Владимир Иванович в этот день вообще брать сапоги не собирался. Он зашел на работу, чтобы отпроситься. Потому что к нему приехал какой-то родственник. А что это за работа, если дома гость ждет? Ему и говорят:

— Иди, только потом надо отработать.

Царев говорит:

— Ну, само собой.

И пошел домой. Только по дороге как-то, почти что случайно, вспомнил об одном деле, зашел в упомянутый выше цех и взял женские сапожки.

Таким образом, первый вопрос — где берут на заводе сапоги — вроде бы осветился. А вскоре подоспел ответ и на второй вопрос: как эта операция совершается?

Ну Царев проявил прямо-таки непонятную беспечность: засунул сапоги за пояс, запахнул пальтишко и пошел через проходную. Ведь надо же! Уж совсем ни во что охрану не ставит! Ан, там на посту стоял Комаров! Сколько вот там в книжке фамилий задержанных — большинство бдительность Комарова. Другие охранники тоже, конечно, задерживают, но меньше. Старенькие они, зарплата маловата, и вообще, как говорится, проблема с охраной на заводе полностью не решена.

Но зато способов пронести сапоги через проходную изобретено множество. Уж так некоторые этот сапог скатают, так его закрутят

ЛАТУНЬ 96-Й ПРОБЫ



Вот, уважаемый читатель, сколько, по-вашему, может стоить одна латунная втулка? И даже не целая втулка, а латунный обломок длиною с карандаш? Я думаю, что большинству этот металлолом будет без надобности и за него вообще ничего не дадут. Но, может, человек, которому он нужен до зарезу, — тот расшедрится и даст рубль. А то и полтора. Однако это все будет не настоящая цена.

Настоящая цена за такую втулку — две тысячи рублей. А то и две с половиной. Только продавать ее надо, конечно, с умом. Сначала распилить ножовкой на колесики, потом эти колесики опилить-начистить и продавать, как обручальные кольца.

Ну, а любителей на эти колесики хоть пруд пруди. Их, как говорят, не сеют, не жнут, они сами рождаются.

Да, чуть было не забыл самого главного. Еще нужен гвоздь. Чтобы пробу ставить. А то без пробы, сами понимаете, это будет не совсем полноценный товар. Сейчас народ пошел исключительно грамотный. Латунь покупает только девяносто шестой пробы. А меньшей и не предлагай. Разве что как пластинку на зубы.

Правда, есть в этом производстве и кой-какие тонкости, о ко-

торых я умолчу. Чтобы не попасть в соучастники. А то вот я рассказал, как в Москве продавщицы вино разбавляли лимонадом, а в Харькове нашлись последователи. Нас, говорят, Никольский научил. Фельетон с моей фамилией приобщен к делу. И я теперь хожу в соучастниках. И даже не знаю, как быть. Вроде по совести я этим дамам передачи должен посылать? Или как? Вот ведь забота на мою голову.

Так вот, значит, о чем мы говорили-то? Да, о втулках! Вот лежит передо мной кусочек латуни, начищенный до невероятного блеска. Как говорится, чем больше блеска, тем меньше риск. И проба есть, все честь по чести. Золото. Вернее, не так давно это называлось золотом. А теперь это уже не золото, а вещественное доказательство. И ходить ему под видом золота пришлось не очень долго. Так всегда бывает с теми, кто сам себя перехитрить хочет. Сначала вроде бы золото — а потом глядь — уже вещественное доказательство. И небо в крупную клетку.

А сначала вроде бы все шло хорошо. Жили они на юге страны, по улице Рассвета, в доме № 5. Мужчины трудились над цветным металлом. Ножовка. Тисочки. Напильник. Латунь. Получались из этого добра обручальные кольца. Пластинки для зубов.

А у женщин была роль другая: обманывать своих ближних. Если вы думаете, что тут им требовалось меньше изобретательности, чем мужчинам, которые из латуни делали «золото», то ошибаетесь. Тут все было разработано так же исключительно тонко. И уважаемый Константин Сергеевич Станиславский мог бы только позавидовать таким отработанным мизансценам.

Женщины Раиса и Ирина ходили по домам днем. Примерно в то время, когда мужчины находились на работе. Им мужчины были ни к чему. Они предпочитали иметь дело с простыми хозяйками. Простыми, но в то же время состоятельными. Тут требовался подход.

Стук в дверь. У двери незнакомая женщина. Она одна. Ну совсем одна и очень несчастна. Спрашивает, не живут ли поблизости поляки. (Как видите, о золоте пока ни слова).

Редкая хозяйка не пригласит для разговора беднягу в дом.

Когда та входит, то, к изумлению хозяйки, входит она не одна, а с какой-то другой женщиной. Обе одеты скромно. Курточки из болоньи. Платочки. Сапожки. Правда, у обеих золотые зубы во рту, но это не слишком компрометирующая деталь.

Излагается легенда (как правило, всегда одна). Они жили в Ташкенте (или Ашхабаде) и пострадали от жуткого, необычайного, сверхъестественного наводнения (хоть бы уж от землетрясения!). И вот их в количестве трех (пяти, десяти) тысяч человек направляют в другие места (их эшелон на станции). А этих двух посылают в Польшу. Почему в Польшу? У одной из них отец поляк. У них затруднение. Через границу перевозить золотые вещи нельзя, и они хотели бы продать их и купить теплые вещи.

Из приключенческой литературы мы знаем, что шпиона всегда снабжают легендой. Чтобы он мог сочинять без запинки. Но с такой легендой о наводнении в Ташкенте и Ашхабаде этот шпион был бы разоблачен в первом же детском саду. А тут люди взрослые и все принимают за чистую монету.

Осмотревшись, одна из аферисток говорит:

— Тут нас подружка ищет. Если позволите, пойду погляжу, где она.

Возвращается она действительно с подружкой (вроде уже с позволения), которая в этом спектакле играет совершенно определенную роль.

Подружка говорит, что продала свое золото, и показывает пачку денег. Кому она продала — говорить нельзя. Эту скромность хозяйка отмечает, потому что в случае чего и ее имя останется неизвестным.

Кроме того, хозяйка чувствует, что где-то по соседству идет большой бизнес и надо ковать железо, пока оно горячо. Чтобы не остаться в дураках, она просит показать, что у них за золото.

Наживка проглочена. Теперь надо аккуратно выводить рыбу.

Как это делается, лучше всего пояснить на конкретном примере.

Ломова Екатерина Ивановна сразу обеими руками ухватила за начищенное латунное кольцо. Примерила на палец — все хорошо. Но цена высока. Попробовала поторговаться, предложила от души тридцать рублей. Не подходит. Два кольца с пластинкой стоят пятьсот.

Нечего делать, предложила триста.

Вот тут двое подружек и начали уговаривать свою первую, строптивую, снизить цену, уступить за триста рублей. Уговаривают страстно, со слезами на глазах. На это они и были надобны, чтобы помочь сторговаться.

Сторговались. Расплатились.

Тут одна из трех вытаскивает из тряпицы новые два кольца и золотой кубик.

Говорит — поезд уходит, надо спешить, очень торопимся.

А у Ломовой только пятьдесят рублей осталось. Но, спасибо, продавцы вдруг стали много сговорчивей. Или, может, на поезд спешили. Кто их поймет? Согласились взять вещами. Попросили пуховую шаль и шарф, которые лежали тут же на виду. Взамен отдали эти кольца и кубик. И исчезли.

И у Ломовой ни на минуту не возникло сомнения: как же так? Первые два кольца с пластинкой пошли за триста. А вторые, такие же, за пятьдесят (ну какое-то барахло в придачу, все равно в пять раз дешевле).

Была только великая радость. И пошла Ломова делиться этой радостью к соседке. К Анне Субботиной. Пошла, конечно, не со всеми сокровищами, а только с кольцом. Соседка дома не одна, дочери тут же. Ну, а разве соседи могут не охаять покупку, не омрачить светлую радость ближнего? Никогда в жизни!

— Нет,— говорит Анна.— Это, наверное, не настоящее золото.

И заронила недоверие в душу счастливой приобретательницы.

А тут, как на грех, приходит муж Ломовой на обед. Тоже сомневается. Но на то он и мужчина. Смышленный пол. Решил показать кольцо зубному технику. Показал — и на тебе резюме — латунь, без малейших признаков драгоценного металла.

У Арефьевой спектакль был еще хлестче. Она работает продавцом. Продавец, какой бы он ни был, на мой взгляд, должен разбираться в тонкостях торговли. И вот на тебе, как говорится, и на старуху бывает проруха.

К ней эти две дамы с золотом явились перед закрытием магазина на обеденный перерыв. И предложили выгодную сделку. Кто от этого откажется?

Александра Даниловна пригласила золотинош к себе домой. Причем не захотела единолично наживаться и послала за соседкой Ольгой Андреевной. Пока суд да дело — налила гостям супа. От кофе они отказались — сказали, что пьют только верблюжье молоко, к которому привыкли в Ташкенте еще до страшного наводнения.

Ну, короче говоря, охватил наших женщин немислимый азарт. Назанимали 220 рублей — мало. Отдали еще два одеяла. А пока Ольга Андреевна бегала за своим одеялом, Арефьева в горячке выменяла за кофейный сервиз пластинку для зубов. Возвращается Ольга Андреевна, видит, сервиза-то в серванте у Арефьевой больше нет. Она говорит:

— Лапочка, а что ж тебе за этот сервиз муж скажет?

— Молчи, я с ним договорюсь.

И вечером в восьмом часу заглянула Ольга Андреевна к соседке и вот что рассказывает:

— Когда вечером пришла к Арефьевой, то у нее был синяк и муж сильно ругался.

Вот тебе и договорились!

Поделом, между прочим.

Ну, это кто как считает. Я своего мнения не навязываю. Я лично считаю, что правильно. Латунная болванка как раз и стоит того: кофейный сервиз плюс гуля. Для развития ума.

Но не о том разговор. А разговор о том, что на эти болванки клевали не только малограмотные домашние хозяйки, но и представители интеллигенции — медицинские работники, учителя школ.

Причем, обратите внимание, довольно часто у покупателей возникал вопрос: а откуда столько золота?

На что следовал стереотипный ответ: возле Ташкента есть прииски (?), и там у всех много золота. И сомнения исчезали. Не вдаваясь в детали, что возле Ташкента вообще нет золотых приисков, люди заранее знали, что покупают золото ворованное. Потому что на приисках (даже ташкентских) золото не продают. На прииске золото

добывают. Однако это обстоятельство никого не смущало. Более того: оно успокаивало. И люди проникались к аферистам доверием. Во всяком случае, в отношении качества золота.

Если же сомнения оставались, то одна из золотонош вынимала из-под блузки крест, целовала его и клялась, что золото настоящее. Если и это не помогало, то проводилась даже экспертиза.

Вот, пожалуйста, Денисова Нина Ивановна, комсомолка, преподавательница английского языка. Она рассказывает: 7 февраля, в понедельник, пришла домой. А дома мать, соседка и неизвестная женщина. Эта женщина предлагает купить старинное кольцо 96-й пробы за 125 рублей.

Поскольку Нина Ивановна человек интеллигентный и считает, что физика и химия в средней школе дали ей необходимый минимум познаний, то было предложено для проверки окунуть кольцо в уксусную эссенцию.

Аферистка согласилась. Потому что эта неграмотная дама, которая в протоколе допроса вместо подписи ставила крест, разбиралась в химии лучше, чем наша преподавательница с высшим образованием. Она-то знала, что медь с уксусной эссенцией в реакцию не вступает.

Так оно и было на самом деле. «Золото» сияло прежним блеском и было куплено. Однако на следующий день преподаватель химии растолковал Денисовой, что к чему, и дал для проведения опыта азотную кислоту. Результаты, конечно, были настолько плачевными, что их лучше не описывать.

Учительницу Коврову тоже охватила золотая лихорадка. Она отдала костюм джерси песочного цвета и красный шерстяной костюм. Ее мать вынесла из сокровенных запасов 200 рублей, махровое полотенце и белый платок. В него золотоноши завернули все вышеупомянутое и унесли. Зато Коврова стала обладательницей четырех латунных колец и двух пластинок для зубов из такого же «драгоценного» металла.

Как видите, я рассказываю не столько о рыбаках, сколько о рыбах, которые очертя голову бросились на золотой крючок. О рыбаках говорить особо нечего. Они сидят в тюрьме. По сути дела, они должны возместить причиненный ущерб. Этот ущерб, разумеется, возмещается. Как сказали мне в суде, на сегодня возвращено уже шесть рублей. Судя по темпам, в ближайшую тысячу лет свой долг они не покроют.

Потому что список должников уж очень велик. Он похож на классный журнал — столько в нем фамилий. Потому что «гастроли» проходили в трех пунктах: Дубне, Вологде и Котласе. А может быть, и еще где-нибудь, что, возможно, будет выяснено позже.

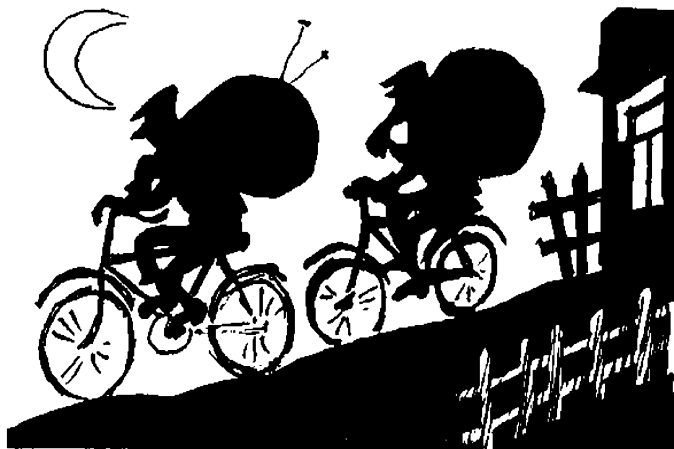
И вот что интересно. Из всех обманутых людей в милицию по собственному почину обратились всего трое-четыре. Это, к слову сказать, и помогло задержать наших героев. Остальным потерпевшим было, вероятно, стыдно, что они остались в дураках. И они молчали.

Более того, они говорили неправду. Вот, например, Зинаида Константиновна Шипахина из Вологды написала в протоколе, что к ней пришла несчастная женщина, и она из чувства сострадания подарила ей (заметьте!) три женские кофточки, две салатницы из хрусталя, чайный сервиз на шесть персон. И никаких, абсолютно никаких претензий к ней не имеет. Ну а та, разумеется, тоже полюбовно оставила благотельнице два латунных кольца и латунную пластинку, которую нигде нельзя использовать.

Лишь когда были опубликованы объявления в местных газетах, в милицию стали приходить потерпевшие. Однако в суде считают, что пришли далеко не все. Люди, которые известны в городе, кто занимает какое-то общественное положение, предпочли остаться в тени. Странно, конечно, но, возможно, они просто не захотели расставаться с покупкой. Потому что латунное кольцо 96-й пробы тоже чего-то стоит. На мой взгляд, это такой сувенир, который встретишь нечасто. Он, может, ценнее, чем настоящее золото. Во всяком случае, встречается реже, чем обычное обручальное кольцо.

И пусть это послужит им каким ни на есть утешением.

ПОД ПОКРОВОМ НОЧНОЙ ТЕМНОТЫ



С одной стороны, конечно, умильно глядеть ни юное поколение. Эрудиция и объем знаний такой, что нам в их годы даже и не снилось. Какой-нибудь таракашечка из третьего класса, еще носик как следует не обсох, а он уже слышал о теории относительно-

сти. Краем уха, конечно, но слышал. И самое главное — совершенно непонятно, где он почерпнул эти сведения. В третьем классе теорию относительности не преподают, родители о ней сроду не слыхали. Выясняется, что узнал он об этой теории на большой перемене, когда курил в школьном туалете. И, самое ужасное, выясняется это дело на суде.

Я хочу сказать, уважаемые читатели, что отдельные ребятишки (подчеркнем слово «отдельные») вместе с обширным объемом знаний, который соответствует нашему стремительному веку, неизвестно где вдруг приобретают еще удивительную сообразительность. А их родители, соответственно, приобретают совершенно несвойственную им, непростительную детскую наивность. Такую уж наивность, что я не удивлюсь, если они начнут полагать, будто своих детей нашли в капусте. Или что-нибудь в этом роде. И их заблуждение опять-таки будет развеяно лишь словами: «Встать. Суд идет. Приговор именем РСФСР». Потому что это очень отрезвляющие слова, которые все ставят на свое место. Хотя и с небольшим запозданием.

Вот вам, уважаемые читатели, для иллюстрации уютная картинка наших будней. Светлая квартира, телевизор, книги, папа, мама и их сын Альберт четырнадцать лет.

Папа Книжник Яков Борисович, преподаватель института, считает: сын учится отлично, все вечера дома, делает уроки, читает книги, смотрит телевизор. Прекрасный сын, гордость родителей.

Мама, старший инженер почтенного учреждения, считает то же самое. И, конечно, она считает, что знает его друзей. Это — Карулин Сергей, тоже несовершеннолетний — учащийся радиомеханического техникума. Очень хороший мальчик.

Классный руководитель, учительница Иванова, считает, что Альберт дисциплинирован, сдержан, дружит с ребятами, помогает слабым по математике и литературе, делает доклады, выступает на классных собраниях, пользуется авторитетом, одним словом, прекрасный ученик, гордость школы.

Сын Альберт тоже считает. Он смотрит на часы и считает время, потому что опаздывает. Ему известно, когда проходит охрана мимо магазина культтоваров, что неподалеку от его дома. И именно в промежуток между обходом они с Сергеем Карулиным должны попасть на место. Это время — 12 часов ночи. Они прибывают к магазину на велосипедах, захватив с собой мешок. Двери ближних подъездов заматывают проволокой. Сергей железкой выбивает наружную витрину, Альберт — кирпичом внутреннюю. От сотрясения валится на пол приемник «Соната». Его забирает Сергей. Он же берет магнитофонную приставку «Нота» и транзисторный приемник «Сюрприз». Альберт набивает мешок малогабаритными транзисторными приемниками. И вдруг — крик. Кричит какая-то женщина с балкона, разбуженная звуками бьющегося стекла. Альберт в испуге

бросает мешок, Сергей со своим добром взбирается на велосипед. Оба растворяются в ночной темноте.

Несколькими днями позже транзисторный приемник «Сюрприз» Сергей уступает Альберту за шесть рублей с копейками, а мать Альберта, Нина Федоровна Книжник, реализует его в комиссионном магазине за 22 рубля. И никаких дурных подозрений у нее при этом не возникает. Вот до чего иной раз могут быть сообразительны отдельные ребятишечки.

Милиция просто сбилась с ног, разыскивая жуликов. Вскоре произошла новая кража. Альберт и Сергей залезли поздно вечером в учреждение и украли пишущую машинку «Оптим». Через четыре дня Книжник с другим несовершеннолетним оболтусом Пахомовым залез в помещение Гипровуза и украл машинку «Рейнметалл». Причем Пахомов, на свое счастье, не имел пристрастия к пишущим машинкам, а любил шариковые авторучки, которые ему и достались при дележке. Ввиду этого обстоятельства он не фигурировал на суде в качестве обвиняемого. Зимой Альберт с Карулиным залезли в помещение Гипролесхоза и украли два арифмометра, потом еще одну машинку «Оптим», и все в таком же духе. Все это делалось, как говорится, под покровом ночной темноты. Был совершен еще ряд краж в Министерстве топливной промышленности, в мастерской металлоремонта, но в связи с пустяковым количеством украденного это даже нашим «героям» в вину не ставилось. Ложки, вилки какие-то, мелкие вещи сотрудников, апельсины, которые тут же были съедены, одним словом, то, о чем из сожаления к юному поколению можно было бы и не говорить.

Итак вопрос: почему им понадобились именно пишущие машинки? Столь неудобные и громоздкие предметы?

Дело в том, что их помогали реализовывать родители Книжника, в основном, мама. Происходило это так.

Альберт притащил первую машинку «Оптим» домой и сказал отцу:

— Вот у моего товарища Карулина есть родственник, дядя Володя, он продает эту штуку за 150 рублей.

Яков Борисович, не говоря худого слова, выложил за нее требуемую сумму и купил «Оптим» сам.

Затем появилась машинка «Рейнметалл», принадлежащая тому же «дяде». Она была сломана. И мама вместе с сыном поехали в мастерскую. Оттуда прибыл мастер, который дал за нее 90 рублей. И потом перепродал эту машинку за 120 рублей. Мама же продала арифмометры в комиссионный магазин, затем реализовала еще одну «Оптим» за 240 рублей.

И ни разу у нее не возникли такие простые и естественные вопросы: откуда у ее горячо любимого сына все эти предметы. Откуда они появляются в таком количестве? Что это за «дядя Володя», ко-

торый сам не хочет отнести вещи в комиссионный магазин? Хотя узнать все это было проще простого. «Племянник» «дяди Володи» комсомолец Сергей Карулин жил в этом же доме, часто бывал у Альберта.

Но, как я уже говорил вначале, когда у детей появляется чрезвычайная сообразительность, родителей поражает чрезвычайная наивность. И возникает трагическая ситуация: мама, не ведая, что творит, становится невольной соучастницей преступлений сына.

Однако в жизни, простите за банальность, все бывает сложнее. Гораздо сложнее. Оказывается, мама не интересовалась такими естественными вопросами не из горячей любви к сыну. Во всяком случае, не только поэтому.

Дело в том, что, продав украденные сыном вещи, она возвращала ему не всю сумму, а какую-то часть оставляла себе. В виде комиссионных, вероятно. В своих объяснениях Нина Федоровна не уточняет, какая это была часть. Но сумма, видимо, была достаточно велика и позволяла ей смотреть на коммерческие операции сквозь пальцы, не задавая ненужных компрометирующих вопросов.

И вот как эпилог снова те же отрезвляющие слова: «Приговор именем РСФСР». Народный суд определил всем несовершеннолетним участникам этой истории ту степень наказания, которую заслуживает каждый. Что касается Нины Федоровны, то в отношении ее суд вынес частное определение, и ей пришлось объяснять щекотливые моменты своим товарищам по работе.



НИЧЕГО НЕ ВИЖУ, НИЧЕГО НЕ СЛЫШУ...



Мне знакомый доктор говорил, что совесть у человека занимает почти все внутренности. А у некоторых, дескать, совести так много, что ее приходится носить еще и в авоське. Вот здорово-то, только где это увидишь?

Мне, по правде говоря, чаще попадаются граждане, которые ходят налегке. А если идут с авоськой — то тащат в ней разные продукты. Макароны там, колбасу. Бутылку водки иногда несут...

Ну, а раз мы случайно заговорили о водке, то как не рассказать об одном случае, который произошел в одном тишайшем городке на берегу Волги. Там тоже началось с того, что три молодых человека несли водку. Я не знаю, как у них было с совестью, скорей всего не очень. Потому что дальше произошла довольно гнусная история: выпили там, закусили, потом повздорили, а ночью двое уже выносили третьего ногами вперед. А впрочем, обычное дело.

А утром — там-тарам! Во дворе труп, хотя и аккуратно прикрыт ящиками. Но все равно безобразие!

А кто автор трупа — неизвестно.

Может, конечно, и не нашли бы этого автора, если бы не одна старушка. По фамилии Баринава.

Да! Разумеется, выявилась старушка, которая именно в эту роковую минуту наблюдала в шелку за транспортировкой тела.

И я вам хочу сказать, дорогой читатель, что это не случайно! Если вы, например, надумаете выносить из своего дома труп, то в какой бы час ночи вы этим ни занялись, всегда найдется старушка, которая будет смотреть в шелку. И пока живы такие старушки, милиция может спать относительно спокойно.

Я хочу подчеркнуть, что это — положительные старушки. И я о них говорю для того, чтобы отрицательные старушки, которые появятся ниже, не омрачали этот правдивый рассказ.

Таких старушек тоже немало.

В тот роковой вечер в доме убийцы Халдеева было порядком народа. Пришли сюда его соседи Серафима Алексеевна Хренова и Степанида Власовна Благодичная, жених сестры Халдеева, Иван Прянишников, собрались прочие родственники. Они пришли посмотреть телевизор. И уж, конечно, никак не могли не заметить компанию, выпивающую на кухне. Поскольку в квартире все на виду и не надо даже смотреть в какую-нибудь шелку.

А факт, что компания выпивала, был установлен, увы, точно. И установлено все дальнейшее.

— И вот: «Встать, суд идет!»

А потом идут свидетели — старушки. Идут родственники подсудимых. Они проходят перед судом поочередно, тихие такие, неподкупные. Они дают обещание говорить только правду, святую правду и в подтверждение ставят подписи.

А потом начинают врать.

Врут самозабвенно, иной раз краснея, когда особенно запутываются в фактах. Смысл показаний один: ничего не вижу, ничего не знаю, ничего никому не скажу.

Просто диву даешься, до чего твердокаменные пошли у нас старушки. Ничего не боятся. Ни суда, ни ответственности за дачу ложных показаний, как есть ничего!

И ладно бы суда! Но тут и мать стоит. Черная от горя мать убитого. Плачет в платочек. Жена его, у которой остался ребенок маленький. Ничем не прошибешь!

Эх, думаю, может, и правда, совесть занимает у человека почти все внутренности, только что от этого толку? Может, почаще надо применять статью о даче ложных показаний?

Такие случаи, между прочим, тоже бывают, хотя юристы говорят: редко.

В тот же город не так давно вернулся из мест не столь отдаленных Сергей Иванович Дергунец. Он там отсидел пятнадцать лет, как говорится, от звонка до звонка. За бандитизм. Однако перевоспитался не до конца и на воле снова взялся за нож. Вскоре после возвращения он подрался с приятелем, отгрыз у него бровь и хотел резать. Под пьяную лавочку, конечно.

Притель, обороняясь, схватился за лезвие и порезал руки. Их хотел разнять сосед Срамов, который тоже схватился за лезвие и тоже порезал руки.

А потом милиция, допрос — протокольчик готов!

И — главный свидетель Срамов, который вначале поступил, я бы сказал, довольно смело.

А тут Срамов начал путать, вилять и говорить, что все это была лишь мелкая потасовка без какого-либо ножа. А руки они, дескать, порезали о стекла, которых, кстати говоря, в том месте не было.

Но тут у прокурора лопнуло терпение, и он возбудил против Срамова уголовное дело за дачу ложных показаний.

У кого-нибудь, конечно, может возникнуть мысль, что лжесвидетельство может в какой-то степени облегчить участь подсудимого. Что, дескать, это ложь во спасение.

Но в том-то и дело, что, как правило, ничего подобного не происходит. Справедливость, как это ей и полагается, в конце концов торжествует, и виновные получают по заслугам. Таков финал был и в этих процессах: и Халдеева и Дергунца посадили в тюрьму. Остается только пожалеть, что не все лжесвидетели разделяют их участь.

КАК Я ЛОВИЛ МЕЩАНИНА



Один раз мне на работе говорят:

— Есть задание. Надо выполнить.

А мне жалко, что ли? Надо — значит надо.

— Чего делать-то?

— Поезжай,— говорят,— в командировку, поймай там мешанина и напиши про него фельетон.

— Это,— говорю,— нам раз плюнуть. Подумаешь — невидаль.

А как стал собираться — взяло меня небольшое сомнение. Решил кое-что уточнить. Звоню по «ноль девять» в справочную.

— Так и так,— говорю.— Не скажете ли: какой из себя мешанин, в чем его принципиальное отличие?

Девушка помедлила самую малость и отвечает:

— Мешанин — это который с фикусом и канарейкой.

Все ясно. Выписываю командировку, получаю аванс, прилетаю. Выпил бутылку минеральной воды и пошел на большак ловить мешанина.

Охотничьих припасов никаких брать не стал. А пустился на хитрость. Воткнул возле дороги фикус и посадил на него канарейку. Сажу, подманиваю.

Только канарейка никудышная попалась. Знала всего один романс: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня». И то без последнего куплета. Забыла, дуреха.

И еще, кроме канарейки, взял я на всякий случай кусок бечевочки. Поймаю, думаю, мешанина и привяжу к какому-нибудь кусту... Чтобы он не убежал, пока я буду про него фельетон писать. А напишу — отпущу. Пускай ходит. Мне жалко, что ли?

И вот, значит, сажу. Сажу час, другой, а мешанина нету. По большаку много народу ходит. Служащие идут, отдыхающие дефилируют. А мешанина нету.

«Куда же,— думаю,— он пропал? Или у него другие запросы появились? Может, он теперь вместо канарейки магнитофоном наслаждается?»

Сидел, сидел, и надоела мне эта самостоятельность невыносимо. Закинул свой фикус в кусты, а канарейку отпустил на все четыре стороны.

Собрался домой. И тут идет гражданин в меховой шапке. Представительный такой, интеллигентный. Сколько таких за день прошло!

— Охотой, что ли, занимаетесь? — спрашивает.

— Да вот,— говорю,— ловил мешанина.

— И попадаетесь?

— Плоховато.

— Да,— говорит,— сейчас не сезон. А у меня вот другие заботы. Разбилась крепкая семья. Была, знаете ли, неземная любовь, вздохи под луной и трели канарейки... А теперь жена ушла. И что самое неприятное, приходится делить имущество. Прямо нож острый.

— А вы,— говорю,— простите, не из мешанского сословия?

— Что вы! — говорит.— Я интеллигент. Разрешите представить-

ся: Авоськин Илья Миронович, врач-рентгенолог санатория «Пустынник». Несу в суд документы о разделе имущества. Не угодно ли почитать?

А мне жалко, что ли?

— Давайте,— говорю,— если разберу.— Читаю.

«Акт

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе председателя местного комитета санатория «Гастрит» Вавилонова С. С., санатория «Пустынник» Горбоносова П. Г., Иродовой З. К., составили настоящий акт в нижеследующем:

Ввиду добровольного ухода от мужа Авоськиной, ее муж сдал, выдал все ее личные вещи, а именно:

-
- 13. Восемь шелковых трусиков — 16 р.
- 14. Семь х/б трусиков — 8 р. 40 коп.
- 15. Три бюстгальтера — 9 р.
-
- 33. Клипсов 4 пары — 16 р.
- 34. Брошь — 1 — 5 р.
- 35. Диплом об окончании мединститута
- 36. Бидон

Подписи членов комиссии».

— Здорово,— говорю.— Прямо-таки уникальный документ. Только, на мой взгляд, есть в нем одно упущение. Почему, например, не указана стоимость диплома? Уж если быть точным — надо им быть до конца.

— Я об этом думал,— говорит Илья Миронович,— только не знаю, как его оценить.

— А диплом был с отличием или без?

— Без.

— Тогда, я думаю, его можно приравнять к семи хлопчатобумажным трусикам. А если бы он был с отличием, тогда его можно оценить, как трусики шелковые.

— А не дорого будет?

— По-моему, нет. В крайнем случае приплюсуйте к диплому еще бидон. Будет в самый раз.

— Возможно,— говорит рентгенолог,— возможно... А я вот от супруги еще одну расписочку потребовал. Полюбуйтесь.

«Я, Авоськина Анна Ильинична, действительно в присутствии председателя местного комитета санатория «Гастрит» Вавилонова С. С. Петровой, и члена местного комитета Счастливой А. К. получила со своего мужа следующее:

1. Облигации 3% займа на 100 руб. с талоном № 17.
2. Простыней — 5
3. Полотенце — 1
4. Очки — 1
5. Консервный ключ — 1
6. Рожок для надевания обуви — 1
7. Компот в мешочке — 2 кг 500 г.
8. 1/2 бутылки ацетона.
9. Салфетки бумажные.
10. Пудра «Сирень».

— Да,— говорю,— дело у вас поставлено солидно. Только не пойму, зачем вы привлекли к этому делу общественность?

— А как же? — удивился Илья Миронович.— Разве можно кому-нибудь верить? А что если жена потребует с меня компот вторично? Так сказать, захочет вторую порцию? Начнутся разные мещанские пересуды. А я, скажу вам откровенно, мещанства терпеть не могу. Что хотите, только не мещанство.

Рассказал он мне по дороге еще кое-какие пикантные подробности о бывшей жене, о сослуживцах, и мы расстались.

А я пришел в Кисловодск, выпил бутылку минеральной воды и поехал обратно.

Приезжаю на работу, рассказываю: нету, мол, мещанина. И так и этак ухитрился — не попадаетея. А где я его возьму, если нету? Рассказал, между прочим, про рентгенолога.

А ребята смеются.

— Голова ты,— говорят,— садовая.— Это же и был как раз мещанин. Тот самый, который барахло возводит в принцип. Садись скорей и пиши про него фельетон.

Обидно мне стало до слез. Загляделся, думаю, балда, на его интеллигентскую шапку, а мещанскую-то суть и не заметил. Вспомнил, как Илья Миронович несколько лет назад с первой женой разводился. Тоже требовал, чтобы суд разделил имущество вплоть до сумки хозяйственной пестрой, поперечной пилы без ручки, мешка и помойного ведра.

Когда я это рассказал, смотрю, помрачнели ребята. А приятель мой Митрич подходит и за грудки берет.

— Признайся,— говорит,— что про ведро ты от злости выдумал. Я обедать собрался, а после твоего ведра не могу в столовую идти.

А я тоже разозлился. «Иди ты к черту! — говорю.— Ничего я не выдумывал, об этом даже местная газета писала».

Ну, а потом, когда страсти улеглись, сел писать фельетон. Мне что, жалко, что ли? Обидно, конечно, Митрич без обеда остался. Хотя и его понять можно. Потому что, как тронешь это мещанство, так очень на душе скучно становится. И уж, кажется, тронешь-то чуть-чуть, с краску, а все равно обедать неохота.

ДАМА № 1 И ДАМА № 2



По молодости лет я глупым был, на удивленье! И все вокруг мне казалось ясным и понятным. Выйду, скажем, на двор — дядя Петя тротуар подметает. Кто такой дядя Петя? Это винтик в машине нашего общества. Очень, конечно, нужный, но весьма простой винтик, а может, и примитивный. А дядя Кузя — болтик. А тетя Настя — гвоздик. И так далее.

А подрос, смотрю — какие там гвозди-болтики! Это же сложнейшие кибернетические машины. Только еще сложнее. И разобраться в их поступках с одного раза никак невозможно.

Вот, скажем, возьмем такой простой пример: одна наша дама дала другой даме, своей соседке, тряпкой по лицу. Но что тут может быть особенно запутанного и непонятного? В молодости я бы так и сказал: виновата эта дама, размахивающая тряпкой.

Однако так сказать мог бы только человек с большим сомнением. Вроде меня, например. Вернее, такой, каким я был раньше. Сейчас, несколько отупев от жизни, я все меньше понимаю, кто прав, кто виноват.

А в данном случае для разбора назначается товарищеский суд. Тут и председатель, и члены суда, и широкая общественность, которая все знает и от которой ничего не утаишь.

И вы думаете, суду удастся все сразу выяснить? Как бы не так! Заседают несколько часов, пишут постановление, а потом выясняется, что разобраться не смогли. Вот вам и винтики. Снова накрывают красной скатертью стол и заседают вторично.

Я, откровенно говоря, даже был рад, что дело пересматривалось. Потому что я на первом заседании не присутствовал. Как-то наша редакция не оценила всей важности происходящих событий и не направила туда своего специального корреспондента. Прямо скажем, проглядела этот факт. Ну и второй-то раз спохватилась! И в результате я поведу для вас репортаж прямо с места событий. Как говорится, с линии огня.

Итак, одна дама дала другой тряпкой по лицу.

Вы меня не спешите упрекать, что я, дескать, не в ладах с русским языком. Что говорить «дала тряпкой по лицу» не совсем верно. Я, конечно, знаю, что более правильно сказать «дала тряпкой по морде». Потому что «дала тряпкой по лицу» — это как-то не по-русски. Русский язык — тот имеет свои тонкости. И когда дело доходит до тряпки, то в русском языке лицо как-то сразу превращается в морду. Уж я не знаю, почему так получается.

А вот со словом «косметика» дело происходит как раз наоборот. Никто не говорит: сделайте мне косметику морды. Тут надо говорить: сделайте косметику лица.

Но только, уважаемые, что хотите делайте, а не могу я про свою героиню говорить, что ей дали по морде. Пускай на меня не только русский язык обижается, а какой хочешь. Хоть эсперанто. Мне все равно. Тем более что эта потерпевшая дама имеет высшее образование. Она инженер, только недавно институт окончила, и вдруг так про нее говорить. У нее, между прочим, от соприкосновения с тряпкой левый глаз малость подзаплыл. Так она с фонарем и диплом защишала. И, представьте себе, хорошо защитила. Хотя лично я думаю, она этот фонарь, наверное, подмазала чем-нибудь. Чтоб незаметно было. А то ведь срамота.

И такая уж, уважаемые читатели, срамотища, что у меня прямо язык не поворачивается назвать ее фамилию. Честное слово. Уж я лучше не буду называть. Тем более что она потерпевшая сторона. Вы ее все равно не знаете, вам это ни к чему. А ей будет обидно. Так что давайте проявим гуманность.

Ну, а другая? Та, которая этой тряпкой съездила-то?

Она, как на грех, тоже, понимаете, с высшим образованием. Она учит музыке ребят. И ведь если они узнают про свою учительницу этакие вещи? Да ей проходу не будет, знаем мы этих ребят. Архавцы, а не ребята.

В общем, как хотите, уважаемые читатели, а тут я тоже не могу называть фамилию. Потому что уж очень поступок-то некрасивый. Будь он покруче хоть самую малость — еще туда-сюда.

Будь это, скажем, не тряпка, а что-нибудь более возвышенное, например косынка, или на худой конец бюстгальтер... А то тряпка... Я думаю, мы друг друга пойдем и опять же проявим элементарную человечность.

Вместо этих ненужных паспортных данных я вам лучше поподробнее расскажу, как дело-то было. Хотя, признаться, и рассказывать особо нечего. Уж очень простой сюжет.

А возвращается один раз вторая дама после своих музыкальных занятий домой. И видит, нету у нее кухонной тряпки. Куда могла деться кухонная тряпка? Ясное дело: виновата дама № 1. Глянула в мусоропровод: так и есть, лежит там тряпка в выброшенном состоянии. Ну, тут разговор был короткий. А скорей всего его и вообще не было. Вместо него сразу разгорелись военные действия, в результате которых дама № 2 хлопнула свою противницу тряпкой.

Правда, на первом суде выяснилось, что дама № 1 не виновата. Тряпку выбросил ее муж. Знаете, как мужья относятся к тряпкам? Они их не ценят. Видит — тряпка. Значит — мусоропровод. Без бюрократизма.

Но я думаю, что муж взял вину на себя из рыцарских побуждений. И если учесть его маленький вес по сравнению с весом дамы № 2, то эти рыцарские чувства в нем развиты чрезвычайно сильно.

Итак: суду все ясно. Он вынес порицание агрессивной даме № 2, а первую отпустил с миром. Причем совершенно упустил из виду сложность человеческой природы. Бесчисленные оттенки и нюансы соседских взаимоотношений. Суд исходил из ошибочной теории винтика, который от порицания не полиняет. А тут немедленно эта ошибочность и обнаружилась. Потому что дама № 2 почувствовала себя обиженной и пошла искать правду. Как она ее искала — длинная история, но вскоре вышестоящие организации попросили пересмотреть это дело еще раз.

Я вот и говорю, что все это только на первый раз казалось простым и ясным. А стали судить второй раз — выяснилась совсем другая картина, можно сказать, к тряпке отношения и не имеющая.

Тут стали выявляться такие подробности, что небу жарко стало. Дама № 2 обвинила даму № 1 в том, что когда, например, туалет занят, то она заскакивает в ванную, а потом туалет ей уже больше не требуется. В подтверждение она привела свидетеля, бывшего соседа. И этот солидный мужчина хорошо поставленным голосом все это подтверждает.

Вот за что люблю товарищеские суды! Раньше, говорят, любители острых ощущений играли в рулетку, смотрели бои гладиаторов. Бедная была у них фантазия! Им надо было устраивать товарищеские суды и по воскресеньям разбирать на них дела соседок с высшим образованием. Входные билеты можно было смело продавать по двадцать рублей за последний ряд амфитеатра. И был бы аншлаг.

Ну что касается дамы № 1, то она, как вы понимаете, в долгу не осталась. И привела такие подробности, что я, учитывая возможность попадания этого фельетона в детские руки, вынужден их опустить. Скажу только, что на этот раз порицание вынесли обоим. Справедливость восторжествовала.

Теперь вы понимаете, уважаемые читатели, как трудно бывает разобраться в поступках, хотя они сначала и не вызывают сомнений. И как правильно мы сделали, не назвав имена этих достойных дам. Я даже боюсь хотя бы приблизительно назвать место, где все это происходило. Пускай лучше все это было не у нас. И даже не на земле. А на какой-нибудь другой отдаленной планете.

Пускай это будет вообще научно-фантастический рассказ!

Как говорится, от греха подальше.

РОДСТВЕННЫЕ ЧУВСТВА



Конечно, уважаемые, алименты платить не ахти как весело. Это вам не Сайкина смотреть. Тем более что платить, как правило, приходится в самом расцвете сил. Самое что ни на есть время пожить в свое удовольствие, расправить плечи, а тут — здрасьте, я ваша тетя, — исполнительный лист. Не было печали — черти накачали. Тьфу!

Такая вот неприятность постигла героя нашего фельетона товарища Паскудина. И главное — кому платить? Ну, ладно бы сопливым детишкам, они маленькие. А то присудили платить вполне взрослому человеку. Собственной матери заставили каждый месяц выкладывать по десятке. А она из детского возраста лет семьдесят назад вышла. Поневоле взвоешь. И пришлось нашему дорогому Паскудину пойти на крайние меры: изменить свое имя, год и место рождения, а от матери вообще отречься, чтобы ее и духу не было.

Но, чтобы все было ясно, мы должны рассказать читателю довольно грустную предысторию. Вообще-то она смахивает на небывлицу, и начать ее вполне уместно так.

Жила-была бабушка Мария Михайловна, у которой ничего не было. Пенсии не было, дома своего не было, хозяйства тоже не было. Ей 68 лет, и она имела 7 трудоспособных дочек и сыновей. Но это все равно, что тоже ничего не было, потому что они ей не помогали.

Тогда Мария Михайловна обратилась в суд. Тут надо сказать, что пятеро детей помогать ей не отказывались. Тем более что помощь суд определил не бог весть какую: по 5 рублей с дочки и по десятке с сына. Но один сын, не наш герой, а его брат Дмитрий, забастовал. Скорее всего потому, что он до этого так увлекся алиментами, что уже платил детям 50 процентов своей зарплаты. И с оставшейся половиной не желал расставаться ни под каким видом. (Хотя в данном случае, вероятно, уменьшили бы алименты детям). Но как бы там ни было, а раз сын бастует, то вызвали в суд всех и обязали помогать матери.

К сожалению, наш герой, Егор Иванович Паскудин, явиться в суд не смог, потому что сидел в тюрьме за хулиганство. Причем сидел уже не первый раз, а второй.

Впрочем, он скоро отбыл срок и, погуляв немного на свободе, снова вернулся в место заключения.

И вот после этого от нашего героя вдруг, как из худого мешка, посыпались жалобы и протесты, что бухгалтерия совершенно необоснованно и незаконно удерживает из его заработка по десять рублей в месяц. Потому что он не Егор, а Георгий, и год рождения у него не 1932-й, а 1936-й, и родился он не в селе Кыштовка, а в деревне Меховка.

В одной из многочисленных жалоб Паскудин пишет:

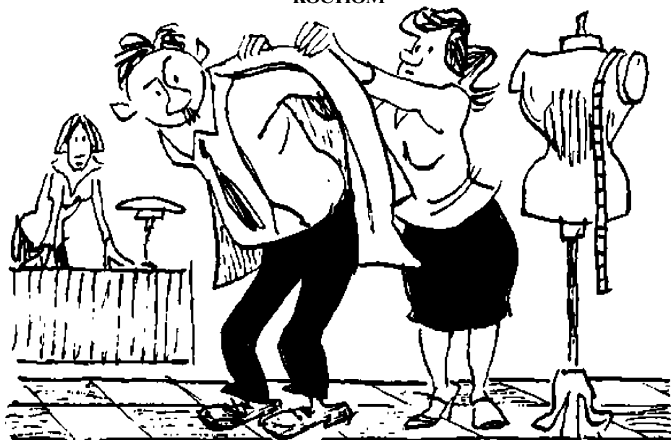
«Фактически мать моя родная умерла, не знаю в каком году, но отец говорил, что ее имя Клавдия. Когда мать умерла, нас оставалось четверо. Егором никогда не был. Нарушен закон».

Как наш Егор сделался Георгием и уроженцем других мест — наука на этот вопрос ответа не дает. Да, по-моему, она этим вопросом и не занималась. Однако были приложены великие усилия, чтобы доказать, что жалобщик и ответчик по исполнительному листу — одно и то же лицо. Вплоть до того, что потребовалась официальная очная ставка с матерью.

Уж не знаю, какими глазами смотрел сынок на свою маму, но, хотя он ее и признал, к удержанию злополучной десятки относился и потом весьма неодобрительно.

Я как автор, может, и посочувствовал бы Егору Паскудину, если бы ему присудили какой-нибудь большой процент. Потому что, бывает, петлюю горло сожмут эти алименты. Не очень-то они бывают справедливы. Но жаться из-за десятки для своей матери — вот что, понимаете ли, противно.

КОСТЮМ



Мне хочется рассказать о радостном событии из жизни Виктора Петровича Комарова.

Конечно, каждому из нас может ненароком улыбнуться фортуна. Но тут ему вдруг так невероятно повезло, такое подвалило счастье, что и сам Виктор Петрович застыл в радостном недоумении и все очевидцы этого события только развели руками и пребывали в такой позиции довольно продолжительное время.

А дело в том, что в один из весенних дней Комаров купил в промтоварном магазине импортный костюм сорок восьмого размера, рост второй, за шестьдесят семь рублей пятьдесят копеек. А жена его Ирина Петровна Комарова при сем присутствовала консультантом,

Я не помню, какой это был день. Знаю только — была суббота, и свалилось на него счастье в шестнадцать часов пятнадцать минут, как раз после обеда.

Причем не подумайте, что для Комарова покупка костюма составляла столь торжественный акт в силу каких-нибудь материальных обстоятельств. Дело не в этом. Он работает начальником планового отдела, и костюм для него в конце концов не проблема.

А проблема в том, что в поселке Виньково купить приличный костюм очень трудно. Для этого надо попасть в какую-то совершенно исключительную полосу везения.

И вот Комаров стал обладателем костюма. Как именно это произошло, история умалчивает. Точнее, на сей предмет существует несколько версий. По одной — продавщица Тамара Ивановна Чумизова поступила исключительно честно и в порыве этого возвышенного чувства извлекла из-под прилавка костюм. По другой — ее муж предполагал устраиваться в этот самый плановый отдел, где Комаров был начальником. И, дескать, чувства ее были отнюдь не возвышенные. Но это в конце концов детали и не в них суть.

А дело в том, что супруги Комаровы пошли домой мерить обновку. Но нетерпение их было столь велико, что они даже не дошли до дома, а зашли для этой цели к знакомым. И у них скорей стали примерять.

Костюм сидел отлично. Ну как не радоваться-то, господа! Такую благодать и в Москве-то не подберешь, не то что в Винькове. Готовый костюм, понимаете, да еще чтобы хорошо сидел. Где это видано?

Ну ладно. Светила им фортуна ровно 46 часов по часам с секундной стрелкой. Даже двух суток не прошло. Такое вот женское постоянство. Дело известное.

А в понедельник, ровно в четырнадцать часов, опять же по местному времени, к Комаровым, запыхавшись, прибегает продавщица Тамара и просит, даже умоляет вернуть этот злополучный импорт в магазин. Потому что он с самого начала предназначался другому лицу. И директор магазина Лидия Григорьевна Савельева дала Тамаре на этот случай специальное указание. И что теперь будет, даже трудно себе представить.

Ну кто ж с таким костюмом расстанется? Даже смешно, право.

Вечером Тамара прибегала еще раз и снова получила от ворот поворот.

На этом, собственно, дело и кончилось. Только нам под конец вдруг стало несколько любопытно узнать, кому же предназначался этот костюм? С каковым вопросом мы и обратились к директору магазина Ивановой. Если говорить по совести, задали мы его просто так, от нечего делать, потому что никакой дополнительной ясности он внести не мог. Да и не рассчитывали мы на особую откровенность. Так оно и вышло.

— Не скажу, для кого костюм привезла, — сказала Савельева. — Если хотите, пишите: для мужа своего. Могу я привезти с базы костюм для мужа или нет? Если хотите — я даже два таких костюма привезла: один второй рост, другой — третий.

- А кому же продали третий-то рост?
- Никому пока, лежит под прилавком.
- Целых три месяца лежит?
- Ничего, пусть полежит.

Ну вот! Значит, в скором времени в Винькове еще кому-то улыбнется счастье. А кому — неизвестно. Жителей там много, поди угадай! А этот человек небось ходит сейчас по улицам и ни о чем таком не думает. Может, у него и денег-то еще нет на этот костюм. Даже скорей всего так. Ну, уж как узнает — помчится занимать. Не без этого. Эх-ма! Кабы денег тьма...

ОБЫКНОВЕННЫЙ РЕМОНТ



Одна моя знакомая дама решила покончить жизнь самоубийством.

— Только,— говорит,— я не совсем представляю, как воплотить это мероприятие в жизнь. Револьвера у меня нету, а холодной воды я ужасно боюсь...

— А вы,— говорю,— начните делать в своей комнате ремонт. Тоже хороший способ...

— Первый раз,— говорит,— слышу. Да надежный ли он?

— Вполне,— отвечаю.— Один разговор в бюро по ремонту квартир — и разрыв сердца обеспечен. В крайнем случае, если у вас

особенно крепкий организм, поговорите еще с мастером. Но обычно этого не требуется.

— Пожалуй, это идея,— произносит моя знакомая.— Тем более что ремонт я давно не делала. И у меня получится приятное с полезным.

Ну-с, загорелась она этой идеей.

Отыскала сначала по справочнику ремонтно-строительное управление по ремонту квартир. Начальник участка Алавердыев Семен Петрович. Звонит по телефону: дескать, так и так. До какого часа вы работаете, в каком часу можно к вам подъехать? Потому что Ольга Дмитриевна (так условно мы назовем свою героиню) тоже работала и уйти в любое время не могла.

Ей говорят:

— До семи.

— Точно до семи?

— Странные вопросы, гражданка.

Хорошо. После работы она мчится на всех парусах, однако без четверти семь двери участка заперты.

На другой день спрашивает:

— Почему?

— Ну, у нас тоже живые люди, могут уйти.

Хорошо. Дальше начинается легкая волокита, пока лишь издалека смахивающая на издевательство.

Разговор этот происходит в середине мая, но только через месяц обещают прислать сметчика, а ремонт как таковой начать через два месяца. Причем точно никто ничего не говорит: может, через два, а может, и не через два.

— А сможет мастер делать ремонт без хозяйки?

— Ни в коем случае.

Что делать, приходится на это время специально подгадывать отпуск. Но это все мелкие пакости, вместо одного хорошего решающего разговора, с вызовом кареты «скорой помощи». Однако таковой тоже назревает. Это разговор об обоях.

Дело в том, что у Ольги Дмитриевны комната была как бы пещерного типа. Узкая и длинная, с единственным окном на север. И уж на такой глубокий север, что лишь последний луч пурпурного заката заглядывал в это окно. И то отразившись от соседнего здания. Я бы, между прочим, в такой комнате тоже не очень-то цеплялся за свою жизнь. Провалились она пропадом вместе с отраженным лучом заката.

И вот, значит, Ольга Дмитриевна при помощи обоев хотела как-то скрасить эту мрачную картину. Ей хотелось какие-нибудь обои повеселее. А тут как на счастье таковые и есть. Апельсинового оттенка, под номером тринадцать.

Ну, конечно, Ольга Дмитриевна все это популярно объяснила в конторе и, видимо, даже вызвала сочувствие, потому что в наряд-

заказе приемщица Анюта подчеркнула: обои № 13 — и обещала прислать именно их.

Здесь мы опускаем ненужные и всем известные подробности, как Ольгу Дмитриевну мытарили обещаниями начать ремонт то завтра, то послезавтра, как ее мебель, вынесенная в коридор, мешала всем соседям, как она вместо отдыха на курорте ожидала мастеров в пустой комнате, — все это мы с вами видели, и нас с вами этим уже не удивишь. Обыкновенно и то, что когда обои были привезены, то это оказалось совсем не то, что нужно. Хотя они и были яркого канаречного цвета, но наводили своей веселой безвкусицей мрачную тоску на окружающих не меньше, чем на сто километров в округе.

Удивительно другое. Когда Ольга Дмитриевна приехала их менять, то вместо извинения встретила такое откровенное недружелюбие, что оно, как ни странно, даже помогло делу. И вышеупомянутая Анюта, и мастер по распределению рабочей силы Бессало, и заведующий складом томный шатен на руке заявили, что заказчица заелась и что вообще с самого начала они распознали в ней склочницу.

И если бы только эти оскорбления! Забегая вперед, скажем, что ей все-таки заменили обои. Конечно, к ним душа не лежала, но что делать, поскольку старые в комнате были содраны. Однако и новых не хватило. Пришлось вставлять заплаты из обоев другого оттенка по всем углам комнаты. Получилось как с заплатами, но довольно оригинально. Возможно, что конец этой истории был бы более печальный. Но эти безответственные слова вдохновили мою знакомую на борьбу и придали ей новые силы. Она все выдержала.

Она выдержала, что ремонт ее пятнадцатиметровой комнаты продолжался восемь дней, хотя его можно было сделать за два дня, как обещали в конторе, что она ночевала со своим ребенком черт знает где и наконец снова пожаловала ко мне с письмом в руке и с жадной мести. От прежнего минора не осталось и следа.

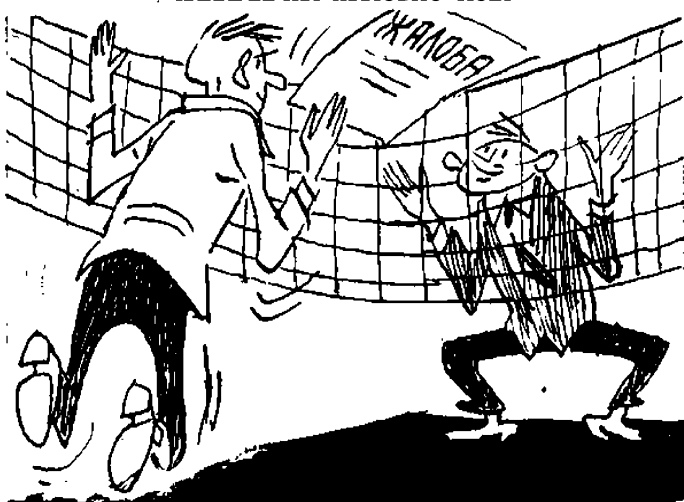
— Вы понимаете,— сказала она,— они обнаглели. Вы посмотрите, как сделали ремонт. Обои наклеены неровно, двери и окна зашпаклевали плохо, а ведь за все это по смете я заплатила почти пятьдесят рублей. Они чувствуют свою безнаказанность, иначе не посмели бы так обращаться с заказ...

— Не обобщайте,— сказал я.— Это не все. Это мелкие единицы, просто отдельные неполадки на фоне ваших лучезарных будней. Со временем мы их устраним.

Что этим фельетоном мы в свое время и пытались сделать.



КАНАРЕЕЧКА ЖАЛОБНО ПОЕТ



Старая эта песня, уважаемые, и ничего нет удивительного, что в те времена канареечка пела именно жалобно, а не как-нибудь еще. Видно, ущемили ее основательно в каких-нибудь правах, вот она так и запела.

Причем, обратите внимание, поет и раз и два, а мер, видимо, никто не принимает. Ужасное бездушие, если вдуматься.

Нынче, конечно, все стало по-другому. Нынче никто особо жалобное не поет, а коли что — садится и пишет жалобу. Пишет раз, пишет два, и опять же может случиться, что эту жалобу никто не разбирает. Нет, конечно, что-то такое с жалобой делают. Перебрасывают ее от одного сотрудника к другому, может, даже выезжают на место поинтересоваться, как там обстоят дела. Но вот чтобы решить, кто прав, кто виноват, — это очень часто не решается. Тогда, конечно, обиженный человек пишет жалобу в Москву. Там адресов много. И газеты, и журналы, и радио, и профсоюзные организации — на всех обиженных хватит. Только хватит-то хватит, однако люди в Москве тоже хватаются за головы: откуда такое невероятное количество жалоб? Тяжеленные крафтмешки волокут из лифтов по соответствующим этажам. И вдумчивые юристы терпеливо вскрывают конверты, вчитываются в первые строчки и потом долго раздумывают: а можно помочь человеку?

И тут вдруг выясняется, что в подавляющем большинстве случаев все эти жалобы давным-давно можно и даже нужно было разобрать на местах. Совсем не требовалось загружать почту, поднимать крафт-мешки на лифтах и загружать без того занятых юристов. Потому что последние вновь направят письма в обратный путь и те завершат таким образом, некий заколдованный круг, выбраться из которого далеко не просто.

В виде иллюстрации я прошу позволения рассказать об одном конфликте, который произошел в деревне Митьково Энской области. Надо сказать, ерундовый был конфликт, яйца выеденного не стоил, однако потому, что вовремя не отреагировали, раздулось кадило дальше ехать некуда. И навяз тот конфликт в зубах всего районного начальства. Да и областного тоже.

А началось это неизвестно когда и неизвестно при каких обстоятельствах. Известно лишь, что в деревне Митьково наряду с прудом и гусями, которые в нем купаются, есть еще и магазин, где продают водку и другие необходимые продукты питания. И магазин тот работает плохо.

Вообще-то говоря, сам магазин — ничего. Поскольку он предмет неодушевленный, то он может работать и так и эдак. Но есть там две сестрицы-продавицы, которые вот этим делом занимаются. И особенно одна — Федоскина Нина Спиридоновна. Раньше была заведующей, а сейчас работает рядовым продавцом.

Женщина она плотная, энергичная, за словом в карман не лезет. Пулемет ей, пожалуй, в сравнение не подойдет. Любую комиссию заговорит до смерти. А что же делать рядовому покупателю?

В Митькове, например, еще не родился такой Цицерон, который мог бы доказать Нине Спиридоновне свою правоту. Поэтому рядовому покупателю остается одно — жалобно петь.

Поскольку жалобную книгу Нина Спиридоновна не дает, то приходится писать в райпотребсоюз, в облпотребсоюз, в редакцию районной газеты «Светлый путь».

Ну, конечно, на жалобы реагируют. В наши дни, я вам должен сказать, таких дураков нету, чтобы на жалобы не реагировать. Поди не отреагируй — потом жизни не рад будешь. Это понимает и каждый начальник и каждый бюрократ.

Но только сейчас выработалась новая метода: регаж, значит, есть, а толку никакого. Приезжают проверяющие, вникают, изучают, беседуют, а толку нет. Появляются заметки в печати, а толку, я говорю, опять же нет.

Вот ведь наваждение! И в чем тут собака зарыта, никто не понимает. Может, жалобы неправильные? Да нет, жалобы правильные. Насчет грубости, обсчета, продажи из-под прилавка. Правда, многие претензии не заактивированы. Русский человек — он гневлив, да отходчив. И не каждый конфликт заканчивался оформлением документа. Но кое-что и зафиксировано.

В один из дней, который не назовешь прекрасным, работу магазина надумала проверить лавочная комиссия. Конечно, комиссия вряд ли выявит факты обвеса и грубости: при комиссии никто хамить не будет. Но обнаружила она нечто другое: например, красного вина на прилавке нет, а под прилавком целый ящик есть. Почему такое явное нарушение правил торговли? Федоскина, ясное дело, дает скорострельной очередью объяснение, которое выглядит уж до того нелепо, что дальше ехать некуда. Дескать, кто-то в магазине должен мыть полы, и она будет расплачиваться вот этим самым красным вином. Или что-то в этом духе. Однако таким же манером под прилавком была спрятана и тушенка и другие товары, к которым уже никакого объяснения приспособить было нельзя. К слову сказать, факты обвеса тоже обнаружились. Оберточную бумагу на другую чашку весов Федоскина не помещала, таким образом даже на этом создавала «экономии» в свою пользу.

Казалось бы, нет ничего удивительного, что на подобные факты (а их было много) появлялись жалобы. Их, как я говорил, проверяли, давали авторам ответы, но положение не менялось. Тогда покупатели начинали писать выше, в Москву, в газеты и общественные организации. Однако и в этом случае улучшения в митьковском магазине не произошло. Почему? Об этом как раз мы хотим рассказать.

Вот, например, работница больницы Ира Светлова написала жалобу в газету «Веселая торговля». Там таких жалоб полно и особо газетную полосу они не украшают. Естественно, и данную пересылают для принятия мер в Энский райпотребсоюз. Там ее, естественно, проверяют и дают ответ, что да, факты подтвердились, продавщице объявили строгий выговор.

Но изменений не намечается. Светлова пишет жалобу в журнал «Человек и закон», оттуда ее возвращают опять в Энск, но уже в прокуратуру. Там себя проверкой не утруждают и переписывают слово в слово облпотребсоюзский ответ. Зачем это нужно, непонятно, потому что каждому ясно: один такой ответ Светлова уже получила. Видимо, потому, что совсем без ответа никакую жалобу оставлять нельзя. Поди не ответь — жизни не рад будешь!

Однако работа магазина от проверок не улучшилась, но положение Светловой в этом не лучшем из миров ухудшилось. Ведь продавец на селе — лицо влиятельное. Он может, например, дать буханку черствого хлеба вместо свежего, может дать или не дать приправленную тушенку, да мало ли чего... Дело дошло до того, что Светловой стало проще попросить кого-нибудь привезти продукты из города, чем покупать в своем магазине.

И вот мы видим занимательную картину. Эти жалобы не летят прямо, наподобие стрелы, и не поражают порок. Они скорее похожи на бумеранг, который описывает замысловатый круг и возвращается на то же место, откуда вылетел. Причем еще больно стучает неосто-

рожного автора по лбу. Поскольку недовольство растет, то вскоре уже 22 колхозника пишут жалобу на бесчинства Федоскиной в райкомитет. Оттуда она быстренько пересылается в Энский райпотребсоюз, а оттуда не так уж быстренько выезжает очередной проверяющий выяснять, в чем же там, собственно говоря, дело?

Теперь давайте на минутку оторвемся от хронологии и постараемся себе представить, что же происходит на самом деле.

На деле это выглядит вот как: в течение нескольких долгих лет в районные и областные организации поступают жалобы на работу митьковского магазина. Жалоб много, и им уже потеряли счет. Примерно так же много в Митьково выезжало и проверяющих. Им тоже потеряли счет. Колхозники уже давным-давно изучили во всех подробностях эту историю. Она у них навязла в зубах. Но каждый проверяющий, по-прежнему знакомится с ней впервые. Каждый проверяющий, разумеется, справедлив, он проникнут сознанием высокой ответственности и поэтому прежде всего хочет установить истину. И вот без конца вызываются одни и те же люди, без конца ведутся одни и те же разговоры. Разговоров должно состояться как можно больше, чтобы никто не сказал, что проверяющий подошел к делу легкомысленно и кого-то там обошел. Поэтому он старается побеседовать и с правыми и с виноватыми. Но правыми, как ни странно, оказываются все. Когда же все причастные к конфликту выслушаны и наступает психологически удобный момент для установления истины, оказывается, что она осталась такой же туманной, как и в самом начале. Почему? А очень просто. Вернемся к случаю, когда на Федоскину написали жалобу сразу 22 колхозника. Эту жалобу приехала проверять товаровед райпотребсоюза Алла Ивановна. Молодая, красивая женщина. Может, на соответствующем конкурсе она получила бы звание «мисс райпотребсоюз». Или даже «мисс облпотребсоюз». Но с этой жалобой она растерялась, потому что в противовес ей Федоскина выкатывает телегу за подписью тридцати трех человек и даже с печатью. Дескать, обслуживание значительно улучшилось, продавцы стараются... исполком сельсовета и правление считают, что продавцы вполне соответствуют...

Ну, как тут обнаружить истину, когда на каждой чаше весов лежит по равноценному документу и эти чаши не дрогнут. И едва одна чаша начинает перетягивать, как заинтересованная сторона тут же подкидывает новые факты и снова чаши выравниваются. А проверяющий наподобие Фемиды стоит, завязав глаза, и ничего не видит. Впрочем, и видеть-то ему нечего. При нем продавщицы не грубят и не обсчитывают. Ох, тяжело быть проверяющим! И приходится уже искать не истину, а какой-то обходной маневр, который помог бы как-нибудь отфутболить жалобу. А найти его, кстати, совсем не сложно.

Дело в том, что поскольку события развиваются в сфере потребительской кооперации, то значит, где-то недалеко должны быть

и пайшики. А раз так, то, шут бы их побрал, пусть они и разбираются с этой жалобой. И выясняя, соответствуют продавцы своему назначению или нет.

Но поскольку во время летних полевых работ пайщикам не до заседаний, поэтому вышеназванным двадцати двум колхозникам сочиняется такой ответ:

«В связи с проведением осенне-полевых работ собрать общее собрание пайщиков по поводу работы магазина № 7 в дер. Митьково потребительского общества не представляется возможным, и поэтому вопрос о работе Федоскиной будет решен в конце октября».

Ежели кто посчитает такой ответ совсем уж ерундовой отпиской, то он, конечно, ошибается. Потому что как раз в октябре в Митьково приехала такая авторитетная комиссия, какой еще здесь не видали. На легковых машинах прибыли представитель облпотребсоюза Голубев, председатель райпотребсоюза Петров и также председатель потребительского общества Продешевили. Были тут и председатель сельсовета Кравцова и члены лавочной комиссии, а также ваш покорнейший слуга, корреспондент «Крокодила». Приехал он сюда именно потому, что жалоба, написанная группой колхозников, как вы помните, так и осталась невыясненной. И потребовалось новое письмо в Москву, в «Крокодил». А куда же еще обращаться?

Казалось бы, настала столь удачная ситуация для того, чтобы выяснить, кто прав, кто виноват, что лучше и не придумаешь. И действительно, вначале все пошло по-деловому. Были вызваны продавщицы магазина и получили строгое внушение. Уже продавщица Карина дала обещание соблюдать правила торговли, уже комиссия очнулась от тяжелой дремы, в которую было погрузилась под речитатив Федоскиной, и сделала ей еще одно внушение. А потом вдруг выяснилось такое обстоятельство, которое все предыдущие усилия свело на нет. Это обстоятельство вот какое. И представители облпотребсоюза и райпотребсоюза начали говорить, что без пайщиков ничего нельзя решить. Все дело упирается в пайщиков. И на этот раз так ничего решено и не было. Только оставался один недоуменный вопрос: а как же все предыдущие комиссии и проверяющие? Зачем они? Зачем столько хлопот и тревожений, если без пайщиков все равно ничего нельзя было решить?



ОПУНЦИЯ



Я недавно занялся было цветоводством. По глупости, конечно. И не то что совсем по глупости, а были у меня рассуждения. Я вам расскажу, какие.

Значит, так: живу я один. Комната у меня пять метров тринадцать сантиметров. Кушетка. Стол. Окошко с подоконником. А заботиться мне о ком-нибудь надо? Скучно, когда не о ком заботиться.

Ну первое, конечно, что мне посоветовали,— женись! И я, откровенно, сначала тоже так подумал. Думаю, женюсь и окружу драгоценную супругу вниманием и заботой. А потом думаю: как же я ее буду окружать, когда тут повернуться негде. Я, например, когда сижу на кушетке, то из любого угла могу достать что мне нужно, не вставая. Нет, думаю, любая жена вззоет в такой тесноте. Надо мне завести чего-нибудь менее габаритное.

Собаку? От соседей житья не будет. А потом я на работе целый день. Она тут в одиночестве от скуки сохнет.

А одному жить, я повторяю, как-то бесцельно. Человек он так устроен, что ему обязательно надо о ком-то заботиться.

И вот один раз гляжу: на базаре бабка продает цветок. Плюгавенький такой цветочек. Вроде лепешки, но с белыми волосика-

ми. Я на него глянул, и как-то мне его жалко стало. Какой-то он заброшенный мне показался. Вроде небритого холостяка.

— Почему,— говорю,— твоя лепешка?

— Это,— отвечает,— не лепешка, а опунция.

— Все равно. Сколько она стоит?

— Два рубля.

— Хорошо,— говорю.— На тебе рубль, только смотри не умри от восторга.

Взяла она рубль. А я принес цветок домой и на окошко поставил.

Ах, думаю, до чего это я хорошо придумал! Теперь мне есть о ком заботиться. И жизнь моя сразу приобрела великий смысл. Первым делом, думаю, сейчас пойду за город, нарою самого хорошего чернозема и пересажу цветок в большой горшок. Чтoб ему было хорошо. А то неизвестно, чего ему бабка насовала.

А может, думаю, он не любит чернозем? Может, ему еще чего-нибудь надо? Пойду спрошу.

Есть у меня один такой знакомый, великий цветовод. Прихожу к нему.

— Так и так,— говорю.— Можешь меня поздравить, теперь я не одинок. Завел себе опунцию. Не скажешь ли, какая ей требуется земля?

Расспросил он, как растение выглядит, и говорит:

— Это опунция беловолосая. Живет она в Мексике. А земля ей нужна такого состава: глинисто-дерновая, листовая, парниковая и песок. Все это в определенных пропорциях. И еще обязательно старая глина и штукатурка.

Я от удивления даже рот раскрыл.

— А зачем же,— говорю,— штукатурка? Где она ее достает на воле?

— Да уж где-нибудь достает,— отвечает.

— А где же,— говорю,— старую глину берут? Сколько этой глине лет должно быть?

— Да,— говорит,— чем старей, тем лучше. Вот в Средней Азии из глины заборы строят, дувалы они называются. Вот та хороша.

— Ну,— говорю,— в Среднюю Азию я за глиной не поеду. Где-нибудь поближе поищу.

Пошел искать. Весь выходной проискал. Рюкзак у меня получился пуда на два. Все нашел, а штукатурки нету. Прямо хоть чем-нибудь дом ломай. И вдруг — представьте — такая удача! Вижу на пустыре мусорная куча. И ворона на ней сидит, на меня любуется. Прогнал я ее, стал в этой куче разбираться. Гляжу — штукатурка! Честное слово! Прямо кусок чьей-то стены. Даже с дранками. Взял я его под мышку и поехал домой.

Там я всю землю рассортировал и начал перетирать руками. Вот земля с поля, вот земля из леса, вот парниковая, вот с помоечки

(компост называется), вот песок, а вот камешки для дренажа. Высыпал все это в кучу на пол и еще глину со штукатуркой добавил. Хотел еще от чистого сердца асфальта и битого стекла подмешать, но раздумал. Может, ей не понравится, может, она уж чересчур разборчивая?

А потом я присел отдохнуть и окинул взором результаты своих трудов. Окинул я эти результаты и ахнул! Что, вы думаете, у меня получилось? Та же самая куча мусора и получилась. Разве только без вороны. Вместо нее я, значит, сижу и на эту кучу любуюсь.

А кругом — батюшки мои — не комната, а помойка! Если бы я ту мусорную кучу с пустыря приташил и высыпал вот так посреди комнаты, то она выглядела бы даже понарядней.

А главное — самому жить негде. И не то что жить — дышать нечем. Одним словом, плюнул я на эту самую кучу и пошел к приятелю ночевать.

Я шел и думал о том, что в наш двадцатый век все эти цветочки есть не что иное, как блажь.

Это раньше, размышлял я, разводили в своих квартирах орхидей, создавая им субтропический микроклимат.

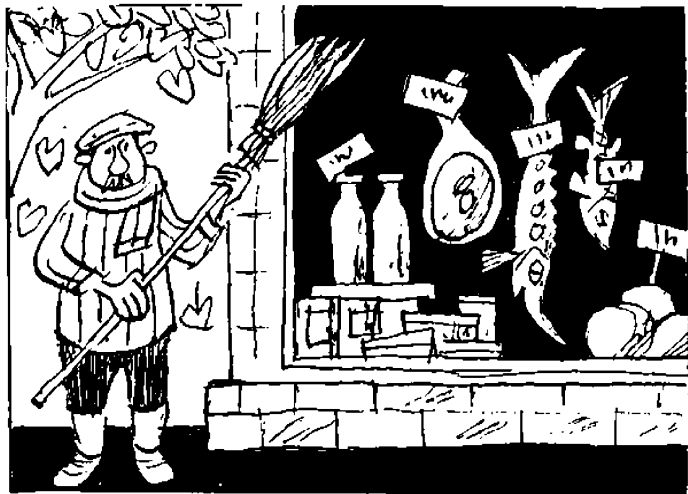
В наше время такие мерки неуместны. А если кто пробует по ним жить, то неизбежно попадает в глупое положение, вроде как я.

Обдумав все это, я на другой день взял недельный отпуск и принялся за уборку комнаты. К следующей субботе я вывез всю грязь, а в воскресенье заново справил новоселье.

А опунцию продал на том же базаре. За двадцать копеек.



ЛИПА



Иногда я выхожу на аллею погулять. Здесь растут липы. И еще другие деревья.

Аллея направо, аллея налево, а больше гулять негде. Дело в том, что сзали меня таким плавучим якорем тащится трехлетняя племянница. И она очень любит задавать однообразный вопрос:

— Это липа? — спрашивает она.

— Да, деточка, это липа! — убежденно говорю я. Хотя откуда у меня такая уверенность, я и сам не знаю. Никто и никогда не подводил меня к этому дереву и не сказал, что вот это и есть липа. Я сам знаю, что это липа. У меня нюх на липу. А выработался он в результате большого жизненного опыта и ума. По-моему, это вполне достаточное объяснение, не так ли?

Мы шествуем вдоль скамеек, на которых сидят парочки.

Существует мнение, по которому влюбленные должны непременно смотреть друг на друга, не замечая ничего вокруг. Это — заблуждение. Наши влюбленные были какие-то ненормальные. Они вертели головами, как воробы, и провожали нас взглядами. Мы шли как сквозь строй. Я перешел на тротуар, где лип уже не было. Вместо них были зеркальные витрины магазинов. В одной из них висела баранья нога. Возле витрины стоял человек в халате и протирал стекло тряпкой.

— Это липа? — спросила девочка.

Я посмотрел сквозь стекло, но оно было еще грязное, и разобрать что-либо было трудновато.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к человеку в халате.— Это настоящая нога, или, как бы лучше выразиться... протез?

— Это муляж! — гордо сказал человек в халате.

И, словно в подтверждение, я почувствовал одуряюще-сладкий липовый запах. И тут же в витрине я заметил молочные бутылки, в которых вместо молока был насыпан белый порошок, сооруженного из папье-маше осетра и фанерную воблу, которой в продаже не было.

— Да, девочка, это липа,— сказал я.— Слышишь, как хорошо пахнет?

Конечно, за этим последовал второй классический вопрос:

— А почему?

— Потому, дружок,— начал я объяснение, не совсем представляя, как его закончить,— потому, что витрина существует для того, чтобы отобразить реальную действительность. А здесь отображается не сама действительность, а некое подобие действительности. Может быть, это даже красивее, чем бывает в жизни, но все равно это подобие не настоящее. Это липа, дружок. К сожалению, это липа.

Мило беседуя, мы двинулись дальше и остановились возле газетного стенда. С газетных фотографий на меня смотрели передовики производства, ученые и дети. Пятилетний мальчик делал из кубиков башню. Здесь все было трогательно: и короткие штанишки, и звезда над башней, и улыбка ребенка. Но улыбка была какой-то не совсем откровенной. Она была чуть напряженной и придавала лицу малыша какое-то слишком «понимающее» выражение лица. Он-то знал, что позирует! А меня продирает мороз, когда я вижу у малышей такие понимающие улыбки. Это не их дело так улыбаться. Их нельзя заставлять так улы...

— Это липа? — спросила племянница.— Уж очень хорошо пахнет.

Для верности я окинул взглядом все снимки. Инженеры разглядывали чертежи, рабочие крутили гайки, слушатели школ отвечали на вопросы. Все они отлично вписывались в кадр. Я представил, сколько труда потратили корреспонденты, расставляя людей нужным образом.

— Видишь ли, дружок,— сказал я, стараясь не удариться об острый угол,— это, конечно, липа. Но в то же время это называется «организованный кадр». Дядя-фотокорреспондент хотел снять по-красивее и потому...

— А почему?

Это был кошмарный вопрос! Я не знал, почему надо изображать действительность красивее, чем она есть на самом деле.

А мимо нас шел народ. Шли женщины с яркими губами, каких никогда не встретишь в природе. Их глаза были в два раза длиннее

обычных. Это все была липа с головы до ног! Я опасливо посмотрел на племянницу и поспешил перевести ее на аллею. Там по-прежнему сидели влюбленные. Они по-прежнему, шут бы их подрал, не занимались своими обязанностями, а глядели нам вслед. Над ними витал дурманный аромат.

— Это липа? — спросила девочка.

Я сделал вид, что не слышал...



Андрей Владимирович НИКОЛЬСКИЙ

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Редактор-составитель А. И. Ходанов.
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 09.10.85. Подписано к печати 04.12.85 г.
А 04677. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,80. Тираж 75 000. Изд. № 2890.
Заказ 1655. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.



Цена 10 коп.

Индекс 72 996.

